

БАРБАРА ФРИТТИ ТАЙНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Перевод с английского *И. Файнштейн*

1

Крыша больницы Святого Иоанна пользовалась у медицинского персонала невероятной популярностью, однако в пятницу вечером здесь было безлюдно. Шел уже восьмой час, и все свободные от дежурства врачи и медсестры покинули здание, спеша насладиться последним теплым, солнечным уикендом, перед тем как осень окончательно уступит место зиме. Стоя у высокого, доходящего до пояса, парапета, Лиз Келли любовалась раскинувшимся внизу городом, особенно завораживающим в сгущающихся сумерках. С высоты десятого этажа она видела вагончики канатного трамвая, деловито снующие вверх-вниз по крутым холмам Сан-Франциско, разноцветные паруса яхт, пришвартованных в Марине¹, и огни моста Золотые Ворота, пронзающие клубящийся над океаном туман.

Этот вид всегда воодушевлял Лиз. Здесь, наверху, она могла представить себя кем угодно, способной на что угодно. К сожалению, пока ей не удавалось воплотить мимолетное вдохновение в реальные достижения. Покинув крышу, Лиз возвращалась к своему монотонному существованию, приземленному и весьма бесцветному, не сулившему ничего интересного. Нет, свою профессию медсестры она любила и с работой ей везло, но все остальное в ее жизни пребывало в плачевном состоянии. За последние десять лет Лиз трижды переезжала, сменила полдюжины соседок по квартире, а совсем недавно ее оставил парень, с которым она встречалась три года.

Больше всего ее угнетало то, что Кайл успел порвать с ней первым. Это она должна была бросить его. Он совершенно не оправдал ее ожиданий, но Лиз все никак не могла поставить точку в их отношениях, поскольку безумно боялась встретить незаметно подкравшееся тридцатилетие в полном одиночестве. И, в конце концов, ровно так и случилось – в полном одиночестве стоит она на пороге своего нового десятилетия.

Пожалуй, пора уже собраться с силами, рискнуть и покончить с дурной привычкой впадать в ступор от страха, боясь принять неверное решение. Сколько можно позволять прошлому омрачать будущее! Необходимо наконец взять собственную жизнь в свои руки и сделать хоть что-то...

Чем должно быть это *что-то*, Лиз пока представляла весьма смутно, но собиралась прояснить в ближайшее время.

Закончив мысленный то ли нагоняй, то ли напутствие себе, она открыла маленькую коробочку из кондитерской «Сладкие фантазии» и достала пирожное, вернее, маленький тортик, залитый розовой глазурью и усыпанный шоколадными звездами. Шоколад, особенно темный горький шоколад, был ее страстью.

Лиз воткнула в глазурь розовую свечку, выуженную из сумочки, подняла тортик к усеянному звездами небу:

– С днем рождения, Лиз!

Ее негромкий голос прозвучал насмешкой над только что обретенной решимостью. Лиз набрала в легкие побольше воздуха и крикнула:

– Ты слышишь меня, Сан-Франциско? Сегодня Элизабет Карен Келли исполняется тридцать лет, и она готова завоевать весь мир!

Лиз улыбнулась, чувствуя себя глуповатой, но в то же время полной энергии, достала спички и зажгла свечу, прикрывая ладонью пламя от ветра, чтобы успеть загадать, вернее, придумать желание.

¹ Марина – прибрежный район Сан-Франциско. (Здесь и далее прим. перев.)

Как бы сильно ни жаждала Лиз любви, она боялась снова почувствовать себя уязвимой. Она любила отца, а он оказался ужасным человеком. Она любила мать, а та ее бросила. Она выбрала Кайла, потому что он казался ей надежным якорем, так необходимым в бурном море ее жизни. Однако Кайл не стал ей опорой, скорее даже тянул ее вниз.

Ну, что же, если прекрасный принц никак не может ее найти, может, есть смысл поискать его самой? Глубоко вдохнув, Лиз загадала сокровенное желание: *Найми того, кого я смогу полюбить.*

Сильный порыв ветра задул свечу прежде, чем она успела сделать это сама. Может, в знак того, что ее желанию не суждено сбыться? Лиз охватило жуткое разочарование. Вот всегда так с надеждами... возвращение к реальности из мира фантазий каждый раз оказывается еще болезненнее. Кому это знать, как не ей?

Лиз вытянула свечу из тортика, слизнула с нее глазурь.

– Праздник окончен? – вдруг раздался совсем рядом мужской голос.

Лиз вздрогнула от неожиданности, тортик соскользнул с ее руки и нырнул за парапет, а она потрясенно уставилась на мужчину, словно материализовавшегося из темноты. Он оказался высоким рыжеватым блондином в джинсах и коричневой кожаной куртке поверх белой футболки с надписью «Стэнфорд» на груди.

– Вы меня напугали, – упрекнула его Лиз, смущенная этим неожиданным вторжением в ее личное пространство.

– Прошу прощения, – улыбнулся парень. – И это весь ваш праздник?

– Хм-м. – Лиз посмотрела вниз, осознавая горькую правду: ее тортик исчез окончательно и бесповоротно. – Видимо, так, ведь из-за вас я лишилась угощения. Что вы здесь делаете? Разве вы не видели табличку «Только для персонала»?

– Я не привык обращать внимание на таблички, – пожал плечами незнакомец.

– Значит, вы хронический правонарушитель?

– Исключительно по необходимости. Мне нужно было подышать свежим воздухом.

Мне очень жаль ваш торт.

– Он наверняка был очень вкусным, – печально вздохнула Лиз.

– Сколько вам сегодня исполнилось?

– Тридцать... И почему все говорят о тридцатилетии с придыханием! О! О! О! Будто речь об оргазме...

Боже милостивый. Неужели она сказала это вслух? Почему она так нервничает и лепечет глупости, как идиотка, при виде какого-то привлекательного парня?

Источник ее смущения как-то странно взглянул на нее. Словно удивился, что кому-то может прийти в голову нелепая фантазия одарить ее тремя оргазмами.

Лиз успокаивающе подняла руку:

– Не волнуйтесь. Я не ищу добровольцев.

– Я и не подумал ничего подобного.

– Да, конечно. Вы растерялись, как олень, попавший на шоссе в свет автомобильных фар.

Парень с улыбкой покачал головой:

– Вовсе нет. Лучше скажите, почему вы здесь одна в свой день рождения. – Его взгляд скользнул по ее лицу и фигуре. – У такой красотки наверняка много друзей.

Лиз вспыхнула, пожалев, что не освежила макияж, не высвободила волосы из практичного «конского хвоста», не переделалась – так и вышла на крышу в мешковатой хлопчатобумажной рубашке и брюках – форме медсестры. Ну и пусть. Скорее всего, она никогда его больше не увидит.

– Хороший подход, – одобрительно кивнула она. – Вы настоящий льстец.

– А вы не любите комплименты.

– Я не люблю мужчин, которые подвергают меня психоанализу в первые пять минут знакомства.

Он улыбнулся еще шире:

– Намек понял. Но вы все еще не ответили на мой вопрос. Почему вы празднуете свой день рождения в одиночестве?

Странно, с чего вдруг она сочла необходимым объяснить незнакомому человеку свою жалкую вечеринку? Может, чтобы не выглядеть слишком жалкой.

– Моя лучшая подруга только что родила. Другая уехала в свадебное путешествие, а третья свалилась с гриппом. У меня есть друзья. Просто в данный момент они вне досягаемости. – На самом деле, в последнее время подруги редко составляли ей компанию. Они жили своей жизнью – выходили замуж, рожали детей, в то время как она топталась на месте или пыталась что-то путное построить с Кайлом. – И день рождения не такое уж важное событие.

– А я люблю дни рождения, – сообщил молодой человек. – Хорошее время для новых начинаний.

– А как же Новый год?

– Кто сказал, что важные решения можно принимать только раз в году?

– Никто, но мне редко везет с принятыми решениями. Обычно я загадываю похудеть на двадцать фунтов, а до сих пор ничего не получилось. У меня неистребимое пристрастие к шоколаду. Если бы придумали пластырь вроде антеникотинного, моя проблема разрешилась бы сама собой.

Отлично! Теперь она привлекла его внимание к своим лишним двадцати фунтам. Неудивительно, что ей так трудно найти парня.

– Не обязательно ограничивать желания диетой, – пожал плечами ее собеседник. – Я, например, в прошлом году пробежал марафон. А в позапрошлом – прыгнул с парашютом.

– Так вы герой. – Может, конечно, он рассказывает ей сказки про свои спортивные достижения, но выглядит вполне тренированным для марафона и не достиг еще того возраста, когда стараются не рисковать жизнью, прыгая с парашютом. – Что вы запланировали на этот год?

– Проплыть на яхте под Золотыми Воротами.

– Забавно. И когда же наступит великий день?

– Завтра. Но я гораздо моложе вас... мне будет только двадцать девять.

– Ах, двадцать девять... я еще хорошо их помню.

Он рассмеялся:

– И когда это было? Двенадцать часов назад?

– Примерно. А вы умеете управлять яхтой? – поинтересовалась Лиз.

– Нет. А это может помешать?

Лиз не удержалась от ответной улыбки. Его искренность подкупала и снимала напряжение.

– Возможно. Но что-то мне подсказывает, что вы всегда добиваетесь желаемого.

– Добивался, – уточнил он, помрачнев. – Я был тем парнем, у которого есть все. Зачарованным.

– И очаровательным, – не удержалась Лиз от комплимента.

Незнакомец вскинул голову:

– Я стараюсь.

– Так что же случилось с тем парнем?

– Жизнь, – со вздохом тихо ответил он, и не успела Лиз открыть рот, чтобы задать уточняющий вопрос, как он опередил ее: – Вы работаете здесь медсестрой?

– Нет, просто обожаю носить мешковатые голубые штаны и рубахи.

– Верно. Глупый вопрос. – Незнакомец помолчал. – Как вы это делаете?

– Что именно?

– Смотрите, как люди умирают.

Смена темы ее удивила:

– Умирают не все. Большинство выживает.

– Мой отец умер здесь. Он умирал долго, мучительно, ужасно. Я этого никогда не забуду.

Лиз встретила его взгляд:

– Соболезную вашему горю.

– Держу пари, вы это часто произносите.

– И каждый раз от всего сердца.

Лиз знала, как тяжело терять родителей. И неважно, в каком возрасте это с вами происходит.

– Я был рядом, когда отец умер, – продолжал молодой человек. – Он месяцами боролся с болезнью, но рак оказался сильнее. Я понимал, что он скоро умрет, и с облегчением думал, что закончатся его боли и страдания, но все равно его уход стал для меня шоком. Только что он был здесь, и вот уже его нет... – Он откашлялся. – Неуместный разговор для дня рождения. Я еще раз приношу свои извинения.

– Все нормально, – кивнула Лиз. – Теперь я понимаю, почему вам нужен был свежий воздух.

– Такое впечатление, что больничные запахи пропитали мою одежду. Как вы это выносите?

– Ко всему можно привыкнуть.

– Вы уже освободились сегодня?

– Да.

– Почему бы нам не пропустить по стаканчику в честь вашего дня рождения?

– Хм... – Лиз не нашлась с ответом. У нее, разумеется, не было других планов, но парень-то совсем незнакомый.

– Обещаю, больше никаких мрачных разговоров. Отметим ваше следующее десятилетие. Я даже могу купить вам другой торт.

– Я вас совсем не знаю, – нерешительно произнесла она.

– Так это еще лучше, не правда ли? – улыбнулся он, будто приглашая к знакомству. – Распустите волосы. Будьте такой, как вам хочется.

Лиз понятия не имела, какой ей хочется быть, но его предложение пришлось ей по душе. Правда, от старых привычек избавиться нелегко.

– Вынуждена отказаться.

– Почему?

– Потому что глупо идти куда-то с совершенно незнакомым человеком. Может, вы маньяк или серийный убийца, или того хуже – страховой агент.

Он рассмеялся так заразительно, а его глаза так озорно светились, что она не могла не улыбнуться в ответ.

– Я не тот, не другой и не третий.

– А вы бы признались, если бы я угадала? – усомнилась Лиз.

– Точно подмечено, но, говорят, тридцатилетие – хороший повод посмотреть в глаза своим страхам. Мы всего лишь выпьем в людном месте. Разве что вы боитесь «Пина коладу»².

– Почему вы решили, что я закажу «Пина коладу»?

– Потому что вы слишком милая и честная. Спорим, вы не пьете мартини? Не тот типаж.

– И какие же девушки, по-вашему, предпочитают мартини? – поинтересовалась Лиз.

– Крашенные блондинки с ледяными голубыми глазами, – с готовностью перечислил ее новый знакомый. – Манерные, ехидные, раздражительные. Им плевать на всех кроме себя любимых.

² Пинья колáда (исп. Piña colada – «процеженный ананас» (в русском языке прижилось искаженное название пина колáда) – традиционный карибский алкогольный коктейль, содержащий ром, кокосовое молоко и ананасовый сок.

– Как гладко у вас получилось, – задумчиво взглянула на него Лиз. – Почему мне кажется, что вы описываете какую-то конкретную женщину?

– Вы проницательны. – Парень помолчал. – Выпейте со мной и докажите, что я неправ.

Лиз заколебалась:

– Я не собираюсь ничего доказывать.

Их взгляды снова встретились, и ей показалось, что он читает ее мысли.

– Разве?

Брошенная им перчатка зависла в воздухе. На долгую минуту. Разумеется, ей есть что доказывать. Она собирается изменить свою жизнь. И на ум не приходит ничего лучшего, чем сделать то, что ей абсолютно не свойственно.

Кроме того этот привлекательный незнакомец, возникший из ниоткуда, заинтриговал ее. А вдруг он послан для того, чтобы исполнить ее желание? Она тут же одернула себя. Нет, конечно, что за глупая мысль! Он просто потерял отца после страшной болезни. Вышел сюда глотнуть свежего воздуха после больничных запахов, а вовсе не в поисках новых знакомств. Простое совпадение.

– Как вас зовут? – прервал он ее размышления.

Она сделала глубокий вдох, понимая, что переходит границу, и пути назад не будет. В конце концов, если уж она решила рискнуть, то почему не сейчас?

– Лиз. Меня зовут Лиз. И я не прочь выпить с вами.

* * *

– Сюрприз! С днем рождения!

Анджела Пейн замерла, едва переступив порог. Она жила в квартире с тремя спальнями, расположенной в районе Сансет Сан-Франциско. На нее были обращены улыбающиеся лица, хотя кое-кто из гостей, судя по всему, испытывал смущение. Анджела едва подавила вздох. Немудрено, что гости испытывают чувство вины. Она же предупредила всех, что не собирается отмечать свое тридцатипятилетие. Отсчитывать ушедшие годы прилюдно ей совсем не хотелось, но ее большая итальянская семья по любому поводу устраивала пышное празднество. Фуршетный стол, накрытый в столовой, ломился от блюд, из динамиков доносилась громкая музыка и, судя по раскрасневшемуся лицу дядюшки Рико, вино уже давно лилось рекой.

– Прости. Я пытался их остановить, – прошептал Колин, целуя жену в щеку. – Но твоя мамочка так же неукротима, как природная стихия.

При виде миниатюрной – ростом пять футов три дюйма – Мэри Маргарет Раццини никому бы и в голову не пришло сравнение с силами любого происхождения, однако ее влияние на окружающих с ее внешностью никак связано не было. Анджеле – несмотря на гораздо больший, чем у Колина опыт – до сих пор не удалось выиграть ни одного сражения, в котором хоть как-то участвовала ее мама.

Мэри вскинула голову, подбоченилась и, энергично жестикулируя, непререкаемым тоном произнесла:

– Анджела, это твой день рождения, и, разумеется, ты просто обязана его отпраздновать. Я приготовила три вида лазаньи. Ты будешь есть, ты будешь смеяться, ты хорошенько повеселишься. Мамочку нужно слушаться. – Она посмотрела вниз, почувствовав, что ее дергают за юбку. – Да, да, Джимми. Ты получишь лимонад. – И она по-хозяйски зашагала на кухню за лимонадом для одного из внуков.

– Я помогу ей, – пробормотал Колин, поспешно ретируясь с поля боя вслед за тещей, и Анджела лишилась возможности напомнить ему, что единственное, о чем она просила в этот день рождения – поужинать вдвоем. Она хотела поговорить с мужем наедине. Разговор не предназначался для ушей многочисленной родни.

– Попробуй, я сама их испекла.

Анджела мрачно, сверху вниз посмотрела на свою, такую же миниатюрную, как их мать, темноволосую сестру Лизу, протянувшую ей серебряный поднос.

– Как ты могла? Разве я не предупредила тебя, что не хочу ничего праздновать?

– Мама всегда рада позаботиться о тебе. Ей так одиноко после смерти папочки.

– Папочка умер девять лет назад, – напомнила сестре Анджела. – Когда только ты перестанешь приводить этот довод всякий раз, как мама делает то, что нам не нравится?

Лиза пожала плечами:

– Она все еще тоскует по нему. Ну, попробуй хоть одну мою слоечку.

Анджела сунула в рот пирожок – горячий, пикантный, изумительный:

– Недурно.

– Недурно?! – возмутилась Лиза. – Фантастически! И вообще, кто ты такая, чтобы критиковать? Ты даже не можешь сварить приличной соус для спагетти. Твое счастье, что Колин умеет готовить, не то ты умерла бы с голоду.

Анджела улыбнулась вполне предсказуемой отповеди. Выводить из себя сестру вошло у нее в привычку, от которой, пожалуй, пора бы уже отказаться.

– Я пошутила. Слойки сказочные.

Смешно отрицать, что она, в отличие от двух сестер и мамы, не умеет готовить, но, в конце концов, она всегда была не такой, как они. Высокая голубоглазая блондинка – благодаря проскользнувшему бабушкиному гену – в море миниатюрных темноглазых брюнеток, предпочитавшая кулинарии рисование. Только у нее одной из всей семьи проявился художественный талант, только она забывает обо всем за очередной картиной, только у нее нет никаких способностей к ведению домашнего хозяйства. К счастью, ее муж прекрасно сам управляет на кухне и не ворчит, заказывая на дом готовую еду.

– А еще я принесла каннеллони. – Лиза взмахнула рукой в сторону накрытого стола, у которого собралась почти вся родня. – Они гораздо вкуснее, чем у Джини, только смотри, не проболтайся, что я это сказала.

– Не волнуйся, не проболтаюсь. – Джина и Лиза соперничали, сколько Анджела себя помнила, и каждая из сестер стремилась перетянуть ее на свою сторону. – Дэвид наверняка ежедневно благодарит судьбу за то, что женился на тебе.

Анджела сунула в рот еще один пирожок и помахала Дэвиду, сидевшему на диване с одним из двух своих отпрысков на коленях. Возня с ребенком не помешала Дэвиду полакомиться женушкиными слойками, о чем свидетельствовал нависший над ремнем живот.

– Дэвид меня просто замучил, – доверительно зашептала Лиза. – Он хочет еще одного ребенка, будто мало нам хлопот с теми, что уже... – Она прикусила язык, сообразив, что сболтнула лишнее. – Прости, Энджи.

– Все хорошо, – поспешно сказала Анджела, не желая развивать эту тему.

– Ничего хорошего, а у меня язык без костей.

– Что происходит? – встряла в их разговор Джина, вручив Анджеле бокал вина. – Почему ты такая мрачная? Не может быть, что только из-за вечеринки.

Анджеле сегодня вовсе не хотелось болтать с Джининой. Если ее младшая сестра Лиза страдала от неуверенности в себе, то Джина, старшая, никогда не сомневалась в своей правоте. У Джини был сильный характер, и она не стеснялась безапелляционно выражать свое мнение, что делало ее прекрасным адвокатом, но не самым приятным собеседником.

– Будто кого-нибудь интересуется мое настроение, – не без горечи заметила Анджела.

– Мамочка тебя родила, и если она хочет отпраздновать это событие, ты должна только порадоваться и поблагодарить ее. Она мучилась восемнадцать часов, чтобы привести тебя в этот мир. Уж тогда ей точно было не до веселья.

У Анджелы внутри все сжалось. О чем бы ни заходила речь, почему-то разговор всегда сводился к детям.

– Мне нужно помыть руки, – пробормотала она и, уже отходя, успела услышать, как Лиза выговаривает Джине за то, что та завела речь о родах, и даже ответ Джини: «Бога ради, будто Анджеला когда-нибудь думает о ком-то кроме себя».

Вот поэтому Анджеला и не хотела праздновать день рождения. Она любит своих родных, но в последнее время с трудом их выносит. Все ее сестры и кузины повыскакивали замуж и нарожали детей, некоторые из которых уже превратились в подростков, а она так безнадежно отстала в этом плане, что чувствует себя посмешищем. И завидует. Да, завидует. Она это признает. И они это знают.

Анджеला закрыла за собой дверь ванной комнаты и пристально всмотрелась в свое лицо. Разве могла она представить, что к тридцати пяти годам останется бездетной? Три попытки экстракорпорального оплодотворения, опустошив банковский счет, не наполнили ее чрево. Ее время истекало и, похоже, оставался всего один шанс. Колин недавно получил большие премиальные. Она точно знала, как хочет потратить эти деньги, и надеялась уговорить мужа сегодня вечером, только придется подождать, пока они останутся одни. Тут помощь матери и сестер ей совершенно не нужна.

Анджеला вымыла руки, ополоснула лицо, подкрасила губы. Она слишком худая, слишком бледная. Все ее неприятности и недомогания вечно отражаются на лице, и сегодняшний день не стал исключением. Она заставила себя улыбнуться. Нужно продержаться пару часов. Родные так расстарались, чтобы устроить ей праздник. Если уж она не может быть счастливой, то должна хотя бы притвориться ради своих близких. Она умеет думать не только о себе, что бы ни говорила Джина.

Когда Анджеला вернулась к гостям, Колин накладывал на тарелку закуски, и у нее, как обычно при взгляде на мужа, екнуло сердце. Высокий, подтянутый, со светло-каштановыми волосами и золотисто-кариыми глазами, в сорок лет ее муж был еще очень привлекателен. Придя с работы, он снял пиджак, распустил галстук и закатал до локтей рукава белой классической сорочки. У Колина была привычка ерошить волосы, когда он уставал или тревожился, и Анджеला всегда знала, как прошел его рабочий день, однако сегодня муж, пожалуй, был взлохмачен из-за того, что ее мамочка заставила его устроить эту вечеринку-сюрприз.

Обернувшись, Колин заметил Анджелу и виновато улыбнулся:

– Энджи, я набрал это для тебя.

Она подошла, взяла из его рук тарелку:

– Спасибо.

Колин подал ей вилку.

– Нож не дам, и не проси. Боюсь, ты воткнешь его в меня.

– Какая предусмотрительность!

– Твои родные тебя обожают. Они хотели порадовать тебя и заразили меня своим энтузиазмом, – стал оправдываться Колин. – К концу разговора с твоей мамой я уже был убежден, что сюрприз-вечеринка – самая лучшая в мире затея, и считал так до тех пор, пока ты не появилась на пороге несколько минут назад.

– Не переживай. У тебя были благие намерения. – Анджеला обвела взглядом заполненную гостями квартиру, признавая, что с родней ей все же повезло. – Я понимаю, что все, включая тебя, желали мне только самого лучшего, и даже знаю, чего именно.

– Я тоже. Идем со мной. – Колин увел ее на кухню, на удивление пустую, достал из ящика конверт и вручил ей: – Вот твой настоящий сюрприз.

Ее сердце забилось быстрее от радостного предвкушения:

– Что это?

– Твой подарок. Я все думал, на что бы потратить премию, и у меня возникла отличная идея.

– У меня тоже. – Их взгляды встретились. – Об этом я и хотела поговорить с тобой сегодня вечером. Думаю, твоей премии как раз хватит на... – Анджеला открыла конверт,

уверенная, что увидит приглашение в клинику лечения бесплодия, точно такое, как они не раз уже получали... но увидела билеты... билеты на какой-то круиз.

– Карибы, – радостно подтвердил Колин. – Десятидневный морской круиз. Только ты и я. Бескрайний океан, музыка, казино и еда на любой вкус. Это будет наш второй медовый месяц, новый старт. Мы сможем обсудить все наши желания, все планы до конца наших дней.

– Ты потратил свою премию на круиз? – потрясенно спросила Анджела.

– Ну, да. А что? – Его улыбка потускнела. – Что-то не так, Энджи?

Она смотрела в глаза мужа, удивляясь, почему его обескуражила ее реакция:

– Я думала, что мы потратим эти деньги на еще одно ЭКО. Здесь ровно столько, сколько нам нужно.

Колин побледнел. Стиснул зубы:

– После последней неудачи мы договорились поставить на этом точку.

– Мы не договорились. У нас просто кончились деньги. Но сейчас у нас есть деньги.

Колин покачал головой:

– Дело не в деньгах. Дело в тебе и во мне. Я больше не могу смотреть, как ты страдаешь. Я не вынесу снова сначала видеть огонь надежды в твоих глазах, а потом потухшее пепелище страшного разочарования после неудачи. Боюсь, что в один из таких дней ты просто сорвешься, а я не смогу помочь тебе. Не все мечты сбываются. Мы должны с этим смириться.

– Врач считает, что у нас может получиться. Он так и сказал. Мне только тридцать пять. Еще есть время, пусть немного, но есть. Конечно, с каждым годом шансы тают...

– Энджи, ты слышишь только то, что хочешь слышать. Он сказал, что это может не случиться никогда.

– И сказал, что вероятность есть, – возразила Анджела. – Как ты мог сдаться?

Он обнял ее за плечи:

– Мы ведь счастливы? Мы любим друг друга. У нас чудесные друзья, родные, полно племянников и племянниц, которых мы можем баловать. У тебя есть твоя галерея, твое искусство. Неужели тебе этого мало?

– Мало. – Анджела отстранилась от мужа. Прикосновения Колина стали вдруг невыносимы, ведь он пытался отнять у нее ее сокровенную мечту.

– Будь реалистичнее...

– Нет, я хочу ребенка. И не хочу через пять лет оглянуться назад и спросить себя, а что, если бы я попыталась еще раз? Неужели ты не понимаешь, что мы должны дать себе этот один последний шанс?

Колин молча смотрел на нее, а она надеялась, что его взгляд смягчится, что он ободряюще улыбнется ей и скажет: «Хорошо, я тоже этого хочу».

– Я не могу.

Анджела не сразу осознала смысл его слов, но выражение его лица – непреклонное, решительное – не оставило никаких сомнений. Боже! Он не передумает. Отчаяние поглотило ее. Неужели это конец? Неужели это и в самом деле конец?

Если Колин не согласится на ЭКО, все кончено. Бесповоротно. У нее никогда не будет ребенка. Она никогда не почувствует в себе зародившуюся жизнь.

Анджела прижала ладонь к животу. Душевная боль пронзила ее, как реальный удар ножом. Сколько раз она прикасалась к животам своих беременных сестер, сколько раз чувствовала, как шевелятся, лягаются их дети, как безумно хотела испытать это невероятное, особое ощущение в собственном теле... Она не могла дышать, ей казалось, что стены смыкаются вокруг нее.

– Все пройдет. Тебе станет легче, – попробовал утешить ее Колин, похоже, не слишком надеясь на успех. – Мы будем жить полной жизнью. Мы будем счастливы. Все будет хорошо.

Не успела она ответить, как кухонная дверь распахнулась, и мама внесла на вытянутых руках торт с зажженными свечками. Сестры, их мужья, их дети и все прочие родственники мгновенно заполнили маленькую кухню.

Анджела опустила взгляд на торт, на освещенную тридцатью пятью свечками надпись: «С днем рождения, Анджела».

– Загадай желание, – предложила мама, ставя торт на стол перед именинницей.

Боже, сколько раз она уже загадывала одно и то же желание. Не сработало. Но родственники ждали. И предлагали наперебой: «Новая машина... Кругосветное путешествие...». Они подавляли ее, предлагая изменить себе, отказаться от мечты, загадать что-то, что не сотворит чуда. Если она согласится, они успокоятся, ведь им больше не придется следить за каждым своим словом, чтобы не ляпнуть при ней лишнего.

Наверное, нужно уступить им, сделать то, что они хотят. Она привыкла уступать.

Но когда Анджела закрыла глаза, чтобы загадать свое тайное желание, только одно пришло ей на ум.

Господи, пожалуйста, подари мне ребенка.

Под бурные аплодисменты, веселый смех и нестройный хор «С днем рождения тебя» она задула свечи. Мама предложила унести торт обратно в гостиную и там разрезать. Гости дружно покинули кухню, и Анджела вздохнула с облегчением.

Колин умоляюще взглянул на нее, призывая прекратить спор, смириться с неизбежным:

– Идем, съешь кусочек торта. Твой любимый.

– Я не голодна.

Очень кстати в кухню ворвался дядюшка Рико:

– Колин, кончилось вино. Пора вскрыть тайные запасы, которые каждый добрый итальянец держит в погребе.

– У меня нет ни тайных запасов, ни погреба, – откликнулся Колин. – Но в винном магазине чуть дальше по улице вина полно.

– Я съезжу. – Анджела ухватилась за подвернувшийся предлог, как утопающий за соломинку. Ей просто необходимо было вырваться из этой комнаты, из этой праздничной атмосферы, из этой жизни.

– Ты не можешь уйти... это твой праздник. Я сам схожу, – возразил Колин.

– Нет, нет. Мне надо на свежий воздух.

Он нахмурился, явно раздосадованный ее решением:

– И что я должен сказать твоей маме?

– Скажи, что на сегодня с меня хватит сюрпризов.

– Анджела...

– Что?

– Возвращайся поскорее.

– Я просто отправляюсь за вином. Сколько времени это может занять?